

МЕЗАЛИЙЦЫ

Владимир Портнов

Мезалийцы

«Автор»

2025

Портнов В. В.

Мезалийцы / В. В. Портнов — «Автор», 2025

Это футуристическая фантастическая повесть о будущем человечестве Земли, достигшем высокого научно-технического уровня благодаря выбору в своё время технократического пути. И теперь столкнувшись на новой планете под названием Хирон с её разумными обитателями, земляне, разрешив несколько недоразумений в отношении аборигенов, разгадали их тайну «мегалитопоклонства» и приоткрыли для себя совершенно новый идеальный Мир Духов. В этом рассказе есть описания нескольких необычных изобретений, путешествий по параллельным мирам с образами этих миров и их обитателей, а также разгадана загадка древних пирамид: о тех, кто когда-то прилетал к нам на Землю из «Звёздного Дуата».

© Портнов В. В., 2025

© Автор, 2025

Владимир Портнов Мезалийцы

Вместо вступления. «Формула Сознания»

Наше Сознание – это возможность:
Жить при желании долее многих.
В этом весь разума смысл непреложный –
Оберегать тела чертоги.
Славится наше Сознание альянсом,
Что образуют небесные жители:
Все наши предки, Святые со Спасом,
Ну и, конечно же, ангел-хранитель.
Глубже корнями мы в жизнь прорастаем,
Если Сознание своё развиваем,
Большим могуществом располагаем
Сил, что хранят нас от бед.
Можно измерить масштабы Сознания
Силой влияния на Мироздание:
Даже Всемирный закон тяготенья
Разум прогнёт на свой лад.
Кроется суть в отражении мира –
Чем оно более неповторимое,
В чём-то Сознание смогло уместиться,
Тем Оно бережней миром хранится.

I

Мы – мезалийцы – будущее человечество Земли. Тысячелетиями наши предки испытывали потрясения в виде войн, пандемий и природных катастроф, с одной стороны ускорявших развитие, но зачастую угрожавших существованию человечества как такового. Психологические и духовные проблемы отравляли жизни отдельных людей, перерастая в депрессии целых народов. Таким судорожным путём развивалось человечество до тех пор, пока в большинстве стран того разрозненного и противоречивого мира к власти не пришли технократы.

Это были люди в большинстве своём являвшиеся носителями технического прогресса. Их политические решения принимались исключительно в интересах общечеловеческого развития, а не из-за амбиций отдельных стран и лиц. Так вскоре было изобретено средство, позволившее гармонизировать жизнь многих людей, и в результате создало нас – мезалийцев.

Посредством изобретённой вакцины, несколькими последовательными инъекциями кровь обогащалась биологически активными наноботами, представляющими собой искусственно созданные живые и при этом неорганические клетки. То есть клетки, развивающиеся по принципу органических, однако в основе их молекул лежал не углерод, а металл. Постепенно эти наноботы, находясь в крови человека, и встраивая части своего ДНК в клетки хозяина, распространялись по всему организму, тем самым эффективно усовершенствуя его первоначальные способности. Но наиболее важной среди прочих достоинств нового «металлического» человека оказывалась его восприимчивость к специально разработанному корректирующему программированию.

Корректирующие программы слабыми электрическими импульсами загружались в головной мозг. Откуда распространялись по встроенным участкам металлического ДНК, которыми на тот момент уже были наделены все клетки человека. В результате, при самых разных расстройствах и недугах, его здоровье подвергалось благотворной программной коррекции.

Скрипты имелись на все случаи жизни. Вследствие этого мезалийцы научились миновать психические расстройства, грамотно и красиво выстраивать межличностные отношения за счёт внутренней гормональной коррекции и внедрённых в сознание правильных поведенческих схем, наличие которых всё же не исключало творческого подхода.

Мезалийцы способны адаптироваться к самым фантастическим экстремальным условиям: выживать в безвоздушном пространстве, в условиях космического холода, или при температуре плавления олова. А всё из-за мгновенной реакции их усовершенствованного организма. В нём, как в сверхмощном компьютере программы выбираются, и функционируют настолько быстро, что мезалиец может даже не подозревать, как на него, к примеру, на большой скорости движется многотонная фура. И уже в момент столкновения, в первые доли секунд, когда подкожные рецепторы ещё не успели подвергнуться угрожающему жизни давлению, то одновременно все металлические ресурсы организма приводятся в боевую готовность, чтобы вовремя демпфировать удар, и защитить от повреждения углеводородную составляющую тела.

Из-за постоянной самонастройки регенеративных функций мезалийцы способны полноценно существовать и наслаждаться жизнью многие века, занимаясь реализацией своих безграничных возможностей. И по большому счёту лишь с появлением *мезалийской расы*, человечество смогло начать настоящую колонизацию космоса.

Вначале всё внимание человека-мезалийца было устремлено на изучение и освоение небесных тел и пространств внутри солнечной системы. Но затем новые люди вышли за её пределы. Тогда и произошёл первый контакт с внеземной цивилизацией.

II

Меня зовут Галлий в честь серебристо белого металла, цветом которого с рождения отличается моя кожа. Я оказался среди астронавтов, встретившихся с внеземной цивилизацией.

Только вот цивилизацией язык не поворачивается назвать обнаруженное сообщество гуманоидов. Мы встретили их на планете Хирон – планете земного типа в системе Альфа Центавра. Хиронцы представляют собой крылатых гуманоидов, живущих по законам первобытно общинного строя. И с самого начала они приняли нас за богов, сошедших с небес.

Едва очутившись на новой планете, мы тут же занялись возведением портала, способного открываться на Земле, тем самым буквально отменив огромные расстояния в десятки световых лет между двумя мирами, объединив их.

Портал устанавливался там же, где решено было основать первую базу – посреди самой большой пустыни единственного континента планеты Хирон, названного Кельвинией, в честь широкого спектра температурных зон, встречаемых на этом континенте: от морозных ледяных, до засушливых знойных.

Пустыня была выбрана не случайно, тем более её центральная часть. Во-первых, потому что требовалось обосноваться подальше от хиронских глаз, а до центра огромной пустыни вероятнее всего ни один из крылатых представителей этого любопытного народа не сможет долететь. Во-вторых, почему пустыня, а не, положим крайний север Кельвинии, где свирепствуют морозы, гигантскими скалами громоздятся ледники, и полгода царит сумрачная полярная ночь, прямо как у нас на Земле. Да просто потому, что как не крути, какими бы выносливыми мезалийцы не были, но жара всегда выгоднее холода и лучше переносится живыми организмами и техникой, вот поэтому и была выбрана пустыня в качестве расположения нашей первой базы на Хироне. И подобными *скрытноческими* планами поначалу были овеяны все совещания Совета.

Но прежде чем начать повествование о приключениях, произошедших на Хироне, следует сделать одно уточнение. Все мы прилетевшие на Хирон земляне без исключения – являлись мезалийцами. Тем не менее, каждый из нас был мезалийцем в разной степени. Дело в том, что металлическая сыворотка с разными организмами людей взаимодействовала по-своему. Максимальная степень совместимости клеток организма с металлической ДНК давала их

обладателям самые мощные сверхспособности, таковыми становились люди с «металло-совместимостью» от восьмидесяти – до ста процентов. И звали этих сверхлюдей – мезалийцами первого эшелона. Всего было установлено три эшелона совместимости: второй – от пятидесяти до восьмидесяти процентов, и третий от тридцати до пятидесяти процентов. Совместимости ниже практически никаких явных преимуществ не давали. А имеющиеся эшелоны очень точно группировали, и классифицировали качественно различающиеся уровни проявления сверхспособностей.

Что касается меня, то я представитель второго эшелона мезалийцев, и поначалу в состав Совета не входил и напрямую в его собраниях не участвовал. Сам Совет являлся органом местного самоуправления, то есть администрацией колонии земель на Хироне. Его состав с момента путешествия по космосу и до основания колонии практически не изменился, образовавшийся из пролонгированного командного состава космического корабля. В Совет входило пять мезалийцев первого эшелона, остальные на собрания Совета не допускались. Поэтому и я был не вхож в ряды руководителей, пребывая в неведении относительно обсуждаемых ими вопросов. И лишь догадывался по отдаваемым сверху распоряжениям, что первоочередными задачами всё же являются: строительство базы и выбор дальнейшей приоритетной деятельности на Хироне.

III

Шёл по счёту пятый день на новой планете. Её утреннее солнце осветило бескрайние пески пустыни, и в этом раннем пока ещё блаженном зное засверкали глянцевые покрытия космического корабля, который с момента приземления автоматически окрасился в шафрановый цвет под стать пескам, приняв тем самым покровительственную окраску местности.

Солнце едва взошло, а я уже покинув свою каюту, направлялся по коридорам корабля на планёрку в отдел «вычислительной техники и баз данных», специалистом которого являлся. На минуту я остановился напротив овального иллюминатора, залюбовавшись видом на бескрайний горизонт пустыни, многочисленные барханы залитые светом от большого жёлтого светила. В этот день оно сияло как-то особенно радостно, напоминая родное земное солнце. Мимолётно пронеслись воспоминания беззаботного детства, переполнив сердце посулами каких-то удивительных предстоящих свершений. И вдохновлённый перспективами, приняв деловой настрой, я поспешил в рубку, где уже собрались все члены нашего отдела, чтобы выслушать распоряжения начальника на рабочую смену.

Вычислительный отдел располагался неподалёку от командирской кабины, откуда капитан со своими помощниками управлял кораблём, а на данный момент базой. И сейчас там уже проходило какое-то совещание, поэтому я не стал задерживаться в коридоре, а направился к винтовой лестнице с правой стороны по коридору. Поднявшись по ней, я очутился в круглом зале диаметром двадцать, высотой пять метров. Интересной особенностью этого зала был прозрачный потолок, слегка тонированный, выполненный из специального, пропускающего свет металла. Ранним хиронским утром, прозрачный потолок вычислительного отдела напоминал лёгкую дымку над головами коллег, а выше потолка виднелось лазурное безоблачное небо, озарённое встававшим из-за горизонта солнцем. Тогда как совсем ещё недавно, пока долгими месяцами наш корабль бороздил космические просторы, вместо голубого неба можно было наблюдать разверзшуюся иссиня-черную бездну открытого космоса, испещрённую бесчисленными звёздами и светящимися образованиями.

В вычислительном отделе деятельность шла полным ходом: двое сотрудников работали с голограммными компьютерами, представляющими собой светящиеся в пространстве планшеты с текстовыми и цифровыми полями и с различными объёмными объектами. Эти компьютеры для удобства работы, проведения собраний и передвижения людей, размещались по периметру. Тогда как в центре уже началось собрание.

Мой начальник, точнее начальница отдела по имени Сабрина, стояла, заслонив восходящее солнце, от этого её и без того начальственное положение приняло ещё более внушительный вид, только вот в лицо было сложно смотреть. А я и трое моих коллег, к которым вскоре присоединились двое прежде работавших за компьютерами, стояли напротив начальницы, выслушивая её поручения на предстоящий день.

Почти всем были розданы распоряжения, но до меня и одного моего товарища очередь в этот раз дошла последней. Обычно нашему отделу поручали внутриштабскую вычислительную деятельность, а сегодня как будто не нашлось иных более компетентных специалистов, например, по части химии, или геологии. В результате мне и моему товарищу как специалистам реестров данных назначили через час выдвигаться за пределы базы для разведывания окружающей местности и выявления чего-то нового, доселе неизвестного землянам.

И вот я, слегка смущённый предстоящей работой, направился обратно в свою каюту, чтобы переодеться в походную одежду, взять кое-какие портативные устройства и обмундирование. Следом за мной с планёрки вышел товарищ, по имени Киприан, которому поручили то же задание, что и мне, только выполнять его в смежном с моим секторе. Площадь наших исследований была очерчена окружностью радиусом в пятьдесят километров, центром которой являлась база. Данная площадь поделена надвое, и мне предстояло заниматься северной половиной.

С Киприаном мы разошлись по своим каютам, договорившись через полчаса встретиться в грузовом отсеке корабля, где размещался парк антигравитационных автомобилей, а также имелись большие ворота для выезда на поверхность планеты.

IV

Переодеваясь в походный костюм, я обдумывал, почему именно мне, компьютерщику, поручили заниматься исследованием местности? Ведь не так давно уже была снаряжена другая экспедиция для разработки близлежащих залежей полезных ископаемых. Речь пока не шла о тотальном превращении планеты в плацдарм по добыче сырья, но для обеспечения автономного существования базы на поверхности Хирона, требовалось организовать маломальскую инфраструктуру, энергетическое и минеральное снабжение. К тому же развитый гуманизм мезалийского человечества не мог не считаться с тем фактом, что у планеты уже имеются хозяева – её коренные обитатели. Пускай они и отстают от нас в вопросе технического и социального прогресса на десятки тысячелетий, но даже по отношению к таким нецивилизованным хозяевам мы обязаны вести себя как гости, не помышляя о захватнических и агрессивных действиях. Вот только истинную роль свою на новой обетованной земле мы пока никак не могли определить.

Я переоделся в лёгкую термозащитную одежду по типу толстовки с капюшоном и в штаны из такого же материала, способного принимать специальным образом программируемую расцветку. На ногах у меня были терморегулируемые с хорошей вентилируемостью ботинки, обшитые схожей с верхней одеждой тканью, также умеющей изменять цвет под действием мысли носящего.

Никаких сумок я с собой не брал, так как с открытием человечеством подпространственных уровней, изобретением телепорталов, мы научились как бы выдувать в смежных измерениях небольшие пузыри, подпространства, с довольно стабильным континуумом, и оборудовать их под различные нужды. То есть эти искусственные смежные миры, объёмами доходящие до нескольких десятков кубометров, в основном использовались в качестве буферов. Вот, к примеру, моя сумка представляет собой дуалистическое устройство. С одной стороны мне на руку надет аппарат, напоминающий наручные часы, который по другую сторону открывается в уже выдутом в параллельном измерении пузыре, объёмом в сто литров. Стенки этого пузыря образованы гравитационной материей, и от схлопывания удерживаются гравитоном, парящим в геометрическом центре подпространственного образования. Но так же гравитон

скреплён каркасом со стенками пузыря, чтобы, когда я при помощи наручного устройства, открывая задаваемого размера портал из своего мира в потусторонний буфер, не выпустил бы из него гравитон и буфер случайно не коллапсировал. Гравитационная материя, из которой сотканы стенки пузыря, едва ли нащупывается, просто за пределы невидимых границ не удаётся вырваться, словно стучаешься в сверхпрочное стекло, а за ним только абсолютная тьма, поэтому гравитон в сумке опоясывает светящаяся лента, питаемая от общего с гравитоном источника энергии. Все эти приспособления для поддержания стабильности пузыря размещаются в его центре, а остальное пространство поделённое каркасом гравитона на отсеки, используется как полки в шкафу.

В моей потусторонней сумке уже лежал ряд полезных вещей, как-то аптечка, в которую я по совету начальства доложил несколько лекарственных препаратов. Рядом поместил голограммный компьютер, точнее его системный блок, в виде коробочки размером с ладонь. При включении системного блока, вызывается голограммный планшет, одновременно служащий монитором, устройством ввода-вывода, оперативной памятью на основе фотонных процессов, а также поддерживающий информационную связь с сервером корабля.

На случай, если вдруг поездка затянется, и придётся обедать в полевых условиях, в подпространственный буфер положил контейнер с едой, представленной главным образом фруктами и овощами, ещё несколько сосудов с протеиновыми и энергетическими смесями. Также в буфере обязательно держался пятилитровый бутыль, в котором я периодически обновлял воду.

Закрыв портал в буфер, продолжил дополнять своё обмундирование. Поверх толстовки в области нагрудного кармана на имеющийся специальный карабин прикрепил небольшое устройство, служащее для активации силового поля, с виду оно скорее напоминает жетон. В тот момент, когда мне будет угрожать опасность, я смогу быстро активизировать силовое поле вокруг себя, прикрыв жетон ладонью, и скомандовав специальное слово: «Защита».

В результате сборов, по замыслу начальства, со своей экипировкой я мог только эффективно обороняться. Никакого оружия нам, астронавтам на незнакомой планете, тем более заселённой разумными существами, не полагалось. Это делалось главным образом для того, чтобы при возможном контакте с внеземным разумом, лучше обезопаситься со своей стороны от неумышленной агрессии. Поэтому если и могло быть какое-то оружие в моём снаряжении, только то, которое уже было встроено в борта автомобиля, однако я надеялся, что ни оружие, ни защита мне в исследовании окрестностей базы не понадобятся.

Последним штрихом в подготовке к предстоящей вылазке, стало настраивание обычной радиосвязи со станцией. Поскольку с эффективностью радиоустройств даже в наше высокотехнологичное время не могли поспорить те же изобретённые трансляторы мыслей, в обращении с которыми требуется куда больше подготовки и сноровки, дабы при общении не выкинуть в эфир какие-нибудь посторонние мысли, не предназначенные для «ушей» слушателя. Поэтому куда проще оказалось говорить и думать отдельно, то есть, сначала думать, а уже потом говорить... Настройка радиосвязи заняла считанные минуты, и затем, нацепив радио-гарнитуру на ухо, я направился в грузовой отсек, где планировал встретиться с Киприаном.

Застал я его копошащимся возле отведённого ему антигравитационного авто. Оказалось, что Киприан спустился в грузовой отсек на десять минут раньше, и уже во всю вместе с инженером Хапсаланом осматривал, и проверял исправность доверенной нам техники. Хотя Хапсалан и уверял, что автомобили в полном порядке, и что он всегда по расписанию проводит техосмотры и ремонты находящегося под его контролем автопарка, но Киприан отчего-то не унимался, и во всём желал удостовериться самолично, с особым тщанием готовясь к предстоящему выезду на поверхность неизвестной планеты.

Мне не пришлось долго ждать внимания инженера. Завидя меня, Хапсалан, наверное, решил, что я снедаем такой же педантичной заботой, что и мой товарищ. И поэтому, оставив Киприана наедине с его вполне профессиональным умением разбираться в машинах, Хапса-

лан подвёл меня к другому антигравитационному автомобилю, и также стал перепроверять и доказывать работоспособность всех его узлов и частей. Я же в отличие от своего коллеги по отделу, больше доверял инженеру грузового отсека, и потому только кивал и соглашался в ответ на его доводы, что все части машины вполне исправны и готовы к эксплуатации. Внимательнее я отнёсся лишь к вопросу о том, на какую продолжительность экспедиции хватит заряда автономных источников питания. И получил весьма обнадеживающий ответ, так что дальше сомневаться в совершенстве вверенного мне транспортного средства не приходилось.

Затем Хапсалан куда-то отлучился, сказав, что чуть не забыл передать нам положенный для нашей миссии инвентарь. А мы с Киприаном остались разглядывать свои антигравитационные автомобили.

Данное транспортное средство по форме представляло весьма сложное переплетение линий и геометрических фигур, главные из которых, тем не менее, можно выделить. В основании расположен восьмигранник, плавно по вертикали перетекающий в восьмиконечную звезду. Однако никаких острых углов в облике автомобиля не было, его форма оказывалась обтекаемой. В скруглённых концах восьмиконечной звезды по бортам автомобиля – встроены вертикально позиционирующиеся турбины, упирающиеся расширяющимися торцами в пол. В общем-то, эти самые турбины, похожие на хвосты боеголовок, совмещали в себе опорную, реактивно-тягловую и антигравитационную функции. Турбины над восьмигранной плоскостью корпуса выставлялись полусферами со специальными круглыми стеклянными вставками-фонарями. Отчего в тёмное время суток эта высокотехнологичная восьмиконечная звезда могла ещё и красиво светиться, одеваясь в причудливые яркие голограммные оболочки.

Кабина автомобиля размещалась по центру машины, над восьмиконечным корпусом выставлялась трёхгранной пирамидой со сглаженными рёбрами, усечённой сверху полусферой. Кабина сделана из прозрачной сверхпрочной стали, давая тем самым возможность водителю наблюдать за происходящим снаружи. А для того чтобы водитель мог попасть внутрь кабины – та автоматически раскрывалась, задвигаясь в корпус, как у какого-нибудь кабриолета. И снова смыкаясь над головой водителя причудливой прозрачной полу пирамидой, когда тот оказывался внутри машины, пристёгнутый ремнями безопасности.

Наконец вернулся Хапсалан, в руках держа два свёртка со специальными датчиками, нужными мне и Киприану для выполнения задания. Взяв по свёртку и ключу от машины, выслушав ещё небольшую напутственную речь от Хапсалана о том, как оптимальнее управлять автомобилем на поверхности Хирона, поскольку сам он уже накопил определённый опыт каждодневных катаний вокруг базы. Затем по трапповым рифлениям на корпусе машины, имеющимся со стороны раскрывающейся кабины, заменяющим ступеньки лестницы, мы взобрались на свои летательные восьмигранники, и спустились в появившиеся по сигналам ключей отверстия в кабинах.

Когда я очутился внутри автомобиля, то купол кабины за мной закрылся. Поудобнее расположившись в водительском кресле, я дал возможность опоясать себя автоматическим ремнём безопасности. Вставив ключ в форме пластиковой карты в специальную щель, как при посещении банковского счёта в терминале, ввёл требуемый пароль, после чего разом включились всевозможные мониторы, датчики и манипуляторы управления автомобилем. Хапсалан открыл ворота, и мы с Киприаном на работающих антигравитационных турбинах, приподнявшись на метр над поверхностью, вылетели в «большой мир».

Врата в космическом корабле открывались на юг, при нынешнем стационарном положении базы. Киприан сразу повернул налево – на восток, чтобы начать оттуда исследование южного сектора. А мне предстояло сперва облететь корабль с носовой части, начав с западных окрестностей.

Снаружи корабль выглядел внушительно: тридцать метров в высоту, двести двадцать в длину, и сто двадцать в ширину с учётом крыльев, на которых располагались турбины на раз-

личных принципах движения. Поблёскивая глянцевой шафрановой обшивкой на фоне безбрежных песков пустыни, эта махина издали скорее всего напоминала громадный песчаный бархан, впрочем, так потом и оказалось. Хвост корабля смотрел на восток, а носовая часть – на запад, впереди неё находилась кабина пилотов, или же командирская рубка, отчасти сделанная из прозрачной стали. А немного позади, возвышаясь над командирской рубкой и над всем кораблём, выставлялась прозрачная блюдцеобразной формы капсула – в которой располагался мой вычислительный отдел.

Вначале я двигался вдоль левого борта космического корабля, затем оставив его позади, полетел дальше на запад, где виднелись две возводимые инженерами полуарки – части будущего телепортала. Вокруг недостроенной арки уже на полную катушку работали транспортные, и строительные машины, вращалось множество ботов и дредноутов с инженерами внутри; поблизости развернулась сеть складов, передвижных домов (хотя многие предпочитали отсыпаться в подпространственных жилищах).

Вот я поравнялся со стройкой, и летел теперь довольно высоко над землёй, в метрах тридцати, чтобы не объезжать встречающиеся препятствия. Подо мной суетились рабочие, техника, и то тут, то там, в различных местах возводимого сооружения сверкали энергетические разряды, похожие на вспышки сварочных дуг. Только не везде была причиной сварка, порой в дело вступали недавно изобретённые, буквально перед нашим отлётом с Земли, квантовые планировщики. Они обладали способностью по запрограммированным световым шлейфам (это по большей части они вспыхивали на стройке), словно по голографическим схемам, собирать воедино нужные запчасти, которые стремились, и в правильном порядке облепляли центральные стержни, будто те были магнитными...

Пролетев стройку, я на протяжении дальнейших нескольких километров наблюдал под собой только бесчисленные косматые волны песчаного моря. Но всё это время двигался на достаточно большой высоте, а так как миссия требовала периодических остановок, то я решил снизиться, и держаться ближе к поверхности. Опустившись до пяти метров над землёй, я устремился дальше – на запад, ожидая, когда на мониторе замерцает точка остановки. И когда от базы было пройдено ровно двадцать пять километров, на бортовой компьютер поступил сигнал, что достигнуто место для установки датчика.

Приземлив машину, я раскрыл купол кабины, и тут же моё лицо обдал знойный воздух. Но долго оставаться снаружи автомобиля и терпеть жару я не собирался, взяв свёрток с датчиками, которые выдал перед отлётом Хапсалан, я вылез на поверхность. Кругом царило безмолвие, только лёгкий ветерок кое-где трепал космы жёлтых барханов, и по всем сторонам до самых горизонтов простирались раскалённые пески, не было видно ни одной живой души, в том числе представителей местной фауны, и флоры...

Раскрыв тканевый чехол свёртка, обнаружил в нём трубчатые датчики, плотно прижатые друг к другу эластичным обручем. Вытянув один из пачки, отойдя на несколько шагов от автомобиля, вставил датчик в песок. В свёртке также находился миниатюрный пульт, и он же – коммутатор сигналов от всех датчиков, связанных с ним. На базе был настроен подобный коммутатор для приёма сигналов.

Снова забравшись в автомобиль, вставил флеш-пульт в разъём рядом с бортовым компьютером, и на экране высветился запрос на активацию первого размещённого датчика, на что я, разумеется, согласился. И тут же из кабины машины увидел, как датчик принялся вращаться. Спустя пару секунд он воспарил в нескольких метрах над землёй, и из него, словно из матрёшки, вертикально вверх вылетело ещё с десятков таких же вложенных трубок. Затем между ними наладилась связь, и в режиме «онлайн» вся информация через флеш-пульт благополучно стала поступать на мой бортовой компьютер. На мониторе в аксонометрическом виде отобразились окрестности базы, где база выглядела тёмной точкой в центре большого круга. Западнее этой точки развернулась сеть от моего первого датчика, а на пятьдесят километров

восточнее – распростёр свою координационную сетку первый датчик Киприана, по всей видимости, установленный раньше моего. Ну вот, – подумал я, – хоть какой-то соревновательный стимул появится в данном деле. А значит, мне нужно постараться разместить все свои датчики раньше Киприана.

Разобравшись с первым датчиком, я завёл антигравитационный двигатель, и поднялся в воздух, улетая на запад. Следующий мой привал намечался после прохождения очередных двадцати пяти километров. Таким образом, нам с Киприаном предстояло организовать сеть датчиков, разместив их по двум концентрическим окружностям, отстоящим друг от друга в двадцати пяти километрах. Вертикально вверх данная координационная сеть должна была захватить два километра, и в режиме нон-стоп производить сканирование местности, мгновенно посылая информацию обо всех перемещениях и новых необычных объектах на мой компьютер и в штаб.

V

В очередной раз, когда для размещения нового датчика я выбрался из автомобиля наружу, и ступил на землю, под ногами вдруг ощутил странное движение. Застыв на месте и настороженно подождав минуту-другую, не уловив больше ничего необычного, продолжил работу. Однако нехорошее предчувствие о постороннем присутствии осталось. И одним лишь предчувствием эта затаившаяся угроза не ограничилась.

Выполнив все операции по установке датчика, находясь в машине, и наблюдая за его активацией, в тот самый момент, когда вращающаяся трубка датчика воспарила – прямо из-под него внезапно выпрыгнуло нечто размером с мою руку. Видимо целясь в датчик, это нечто попыталось схватить и утащить прибор с собой, но промахнулось – датчик взлетел достаточно высоко. В результате существо нырнуло в песок ни с чем.

«Ну что ж, пожалуйста, – подумал я, – как и заказывал – первая живая душа». На мониторе высветилось сразу несколько сообщений: первое подтвердило, что заработал новый скан-элемент, который тут же сфотографировал неопознанное прыгающее существо – и это вызвало второе оповещение. Фотография существа появилась на экране – оно было похоже на змею, только вторая половина тела, назовём её хвостом, закручивалась в спираль, по всей видимости, позволяя существу высоко выстреливать из песчаных недр.

Позднее мне часто приходилось сталкиваться с этими шустрыми обитателями Хирона, и я видел, как из земли они выстреливают, дабы поймать насекомых, очень напоминающих стрекоз, сбивающихся в многочисленные стаи, снующие над поверхностью в поисках пищи. Но сейчас мне следовало по отсканированному изображению «пружинящей змеи» дать ей первичное название, занести в реестры, и отнести к тому или иному классу необычностей Хирона. Этим, собственно, начальство и обосновало мою необходимость, как специалиста отдела баз данных, осуществлять исследование местности... Я отнёс находку к животным негуманоидного типа, третьему классу одушевлённых обитателей Хирона, и отправился к следующему пункту. Интересно было, а попадалось ли нечто подобное Киприану? Ведь неопознанные объекты, отсканированные в его зоне, на время данной экспедиции, мне не отображались, чтобы не конфликтовать между собой, чтобы мы не классифицировали одно и то же дважды.

Спустя некоторое время, когда солнце перекаатилось через зенит, а я сделал половину работы, перехватив у Киприана инициативу в счёте, на бортовой компьютер поступил тревожный сигнал. Видимо где-то скан-сеть зафиксировала неопознанный объект – пока было не совсем понятно летающий он или ползающий. Приглядевшись к снимкам, я увидел тёмный предмет в форме конуса, очутившийся прямо посреди пустыни, изрядно врытый в песок. Датчики зафиксировали, что предмет упал минимум с двух километровой высоты, потому что дальше диапазон их сканирования заканчивался. Но любопытно, кто же его оттуда сбросил – об этом приборы молчали. Мне ничего не оставалось, как отнести предмет к минералам, неизвестной хиронской породы. Про себя же отметил необычность обстоятельств, связанных с камнем, и собирался о них доложить начальству. Но я и не подозревал, что главные странно-

сти дня ещё ожидали меня впереди, и, пожалуй, не только меня, но и всю нашу мезалийскую миссию на незнакомой планете.

VI

После эпизода со свалившимся с неба камнем прошло два часа. И мне до окончания работы по развёртыванию сканирующей сети в северном секторе оставалось совсем немного. Как вдруг, последовало новое беспрецедентное событие. Словно сама судьба в этот день пожела- лала обрушить все заготовленные коллизии. И новая аберрация, судя по всему, была призвана вконец развеять наши домыслы о секретности присутствия в пустыне, показав чередой втор- жений в окрестности базы, что в песках мы отнюдь не укрыты от посторонних глаз, как нам бы того хотелось. Снова раздался сигнал о появлении постороннего объекта в пределах базы, который, судя по перемещению красной точки на экране монитора – активно и самопроиз- вольно передвигался. А вскоре сканирующая система выдала фотографии летающего существа – им оказался ни кто иной, как представитель местных разумных обитателей – хиронец.

Хиронец, по всей видимости, вернулся за чёрным камнем, который выпал у него из рук. Я тотчас оставил своё «соревнование» с Киприаном, объяснив товарищу, что обнаружил абори- гена в своём секторе, и поспешил к месту события, чтобы проследить, куда направится крыла- тый гуманоид. Естественно, мне не следовало показываться на глаза хиронцу, и при приближе- нии я включил маскировку, отчего моё транспортное средство стало практически не заметным для человеческого зрения. К слову, у хиронцев оно было точь в точь таким же, как у нас, без способности улавливать инфракрасные и ультрафиолетовые излучения.

Прилетев на место сигнала, куда некогда с неба свалился камень, а позже объявился хиро- нец, увидел этого крылатого возмутителя спокойствия совсем маленькой точкой на горизонте, вот-вот готовой пропасть из поля зрения, хотя система сканирования, конечно, продолжала эффективно передавать координаты его изменяющегося положения.

Существо двигалось на север, и через пять километров могло выйти за пределы сканиру- емой области. Поэтому я старался двигаться незаметно, но, не теряя объект из вида. Наконец, мигание красной точки на мониторе прекратилось – это означало, что объект вышел из зоны наблюдения. Теперь хиронец, и я следом за ним поднялись на высоту более трёх километров. *«Надо же, как высоко они летают – это, пожалуй, ещё один недочёт штаба – сканирующая система следит только на два километра над землёй, а хиронцы, возможно давно бороздят над нами просторы, и про нашу дислокацию соответственно знают»*. – Хотя это было только предположение, но для заметки штабу данная информация явно не помешает.

Мы отлетели от сектора слежения ещё на несколько километров, и неожиданно, без какой-то видимой причины, приборы транспорта забарахлили. Поэтому я принял экстренное решение – приземляться. Но и преследуемый мной гуманоид так же вздумал опуститься. Это навело на мысль, что он меня обнаружил, хотя сам он для этого никаких других оснований кроме снижения не подал.

Приземлился я, приземлился и преследуемый мной хиронец. Он теперь местами летел, местами переступал по вершинам барханов, а я, оставив машину, прихватив нужную аппара- туру, в том числе и свёрток с датчиками, поспешил вдогонку за аборигеном. На своих двоих это оказалось не так-то легко, в основном из-за песков и палящего солнца, тем более хиронец не давал мне спуска, часто прибегая к помощи крыльев. Но зато я был мезалийцем, и моё тело обладало мощными способностями: без специальной подготовки я мог без усталости бежать марафонские дистанции. Однако в итоге бежать пришлось не так долго, как предполагал.

Вскоре впереди показался оазис, состоящий из причудливых растений, напоминавших раскидистые зелёные пальмы, с необычными изумрудными кристаллами, увенчивающими их верхушки. В тени этих изумрудных зарослей что-то готовилось. И хиронец бесстрашно шагнул в кущи оазиса, я же осторожно последовал за ним.

Медленно, почти ползком пробираясь по жёсткому травянистому насту вдоль тоненького ручейка, появившегося рядом из неоткуда, я неотступно продвигался по следу хиронца. Затем наш путь стал забирать выше и выше, точно мы поднимались на холм. И когда я преодолел вершину этого холма, то увидел впереди небольшое озеро. На другом берегу этого озера, *преследуемый*, перемахнув через водную преграду, присоединился к группе своих собратьев. Видно было, что они его ждали, и смотрели в его сторону с неким вопрошанием. В этот момент я посчитал нужным включить видеосъемку, чтобы запечатлеть впервые наблюдаемую коммуникацию представителей внеземной цивилизации.

Камень, который принёс с собой хиронец, принял другой на вид старше, и водрузил на полтораметровый пьедестал в форме усечённой пирамиды. И я тогда подметил, что в момент водружения конуса на мегалитическое сооружение, съёмочная аппаратура начала фиксировать слабые помехи.

Все хиронцы после немногословных переговоров, окружили каменный постамент и как в каком-нибудь религиозном восхищении начали синхронно и безмолвно кланяться незримому божеству. Что-то ритмично говорил только старший из гуманоидов.

Не отводя глаз от мистического действия, я старался запечатлеть как можно больше фрагментов. Но в один момент, самый, пожалуй, вдохновенный порыв молебна, что-то словно повредилось в моей аппаратуре, и приборы полностью отказали – видеосъёмка прекратилась. И мне пришлось с чувством упущенной возможности, бестолково досматривать камлания аборигенов.

Данное их религиозное восхищение продлилось с полчаса. После этого двумя разными группами аборигены полетели прочь с места поклонения, видимо, в два своих различных поселения, которые располагались в ста километрах севернее.

Я захотел было проследить за одной из хиронских групп, но затем одумался, посчитав затею вне своей компетенции. Решив, что правильнее будет рассказать об увиденном начальству, которое обязательно предпримет необходимые меры. Тогда как для меня гораздо важнее скорее закончить собственное поручение. Но я не стал сразу возвращаться к автомобилю, а вначале отправился обследовать место паломничества аборигенов.

Спустившись с холма, за которым я до сих пор прятался, пошел вдоль берега маленького озера. Быстро его обойдя, оказался на другом берегу – на том самом месте, где четверть часа назад молились хиронцы. Заросли высоких пальмоподобных деревьев с кристаллами на вершинах здесь словно расступились, образовав широкую поляну, устланную травянистым ковром. А посреди этой поляны находился каменный постамент неизвестного происхождения. Дважды обойдя религиозное сооружение, стараясь разглядеть на нём какие-нибудь знаки, или потайные рычаги, не обнаружил ничего необычного ни на нём самом, ни вокруг него. А затем услышал жужжание заработавшей аппаратуры моего обмундирования, и возобновившейся видеосъёмки, прежде так внезапно и предательски отключившейся. В итоге, сделав несколько снимков местности и её деталей, я направился обратно к автомобилю.

Транспорт на удивление легко завёлся, и это после аварийной-то посадки. Уже поздним вечером, закончив выстраивать сканирующий сектор, я вернулся на базу. Не приходится и говорить, что Киприан меня обогнал. Но у меня была уважительная причина: обстоятельства посерьезнее устроенного соревнования.

Прилетев в штаб, я увидел там картину всеобщего напряжения. В рубке вычислительного отдела все только и обсуждали, как обрушение одной из полуарок возводимого портала. По странному стечению обстоятельств, эта чрезвычайная ситуация произошла в то же время, что и религиозное воззвание хиронцев, за которым я наблюдал. Говорили, что в тот момент техника на стройке практически вся разом отказала, и от неожиданных подземных толчков часть портала рухнула, повредив несколько складов и передвижных инженерных домов. Слава богу, обошлось без человеческих жертв.

VII

Произошедший инцидент подвиг руководство кардинально пересмотреть планы на Хироне. Несмотря на полное отсутствие каких-либо нетривиальных событий в течение следующей недели, жизнь нашей миссии претерпела значительные изменения. Была создана специальная комиссия для уточнения причин аварии, для чего на один день приостановили стройку портала, о результатах расследования узнало только руководство базы. А на следующий день, предусмотрев дополнительные меры предосторожности, процесс возведения портала был возобновлён.

Примерно за пять дней врата в земной мир оказались построены, и предстояла их функциональная отладка. Но помимо этого на базе обсуждался другой не менее важный вопрос: какую деятельность на Хироне избрать основной? В связи с этим ежедневно проводились собрания Совета, на которых, как я мог судить по гулявшим в вычислительном отделе слухам, решалось два приоритетных направления. Первое – стандартная для необитаемых планет ресурсная разработка территорий. А на Хироне, стоит отметить – выявили изобилие полезных ископаемых, не в пример земным. Поскольку до сих пор местные недра оставались не тронутыми цивилизациями, в отличие от земных, которые человек успел изрядно истощить. Но из-за гуманистических взглядов мезалийцев, первое направление скорей всего ожидало отвержения.

Зато среди вариантов деятельности предлагалось изучение жизни и развитости местных хиронских племён. Ещё до произошедших в пустыне мистических событий, данное направление рассматривалось как сопутствующее основным, имевшее чрезвычайно длительный временной характер и, по сути, заключающееся в ведении хронологий, «бортовых журналов» с наблюдениями за жизнью аборигенов. Данное занятие предполагало от нас значительных долгосрочных вложений, мало обещая оказаться полезным и обогащающим наши передовые знания.

Ближе к одиннадцатому дню пребывания на Хироне, по всеобщему настроению на корабле, после проведения ещё нескольких *нерешительных консилиумов*, стало очевидно, что именно та самая социологически-направленная деятельность окажется в итоге главной нашей идеологией на чужой планете.

В конце недели, на двенадцатый день, когда сообщение с Землёй через портал наладилось, Совет огласил своё окончательное решение, касающееся предназначения мезалийцев на Хироне. Совет возложил на себя обязанность помогать инопланетному народу в создании их собственной цивилизации, форсируя затяжные и не самые лучшие периоды общественного развития. Курс был взят на создание цивилизации, подобной древнегреческой. И подобно древнегреческому пантеону, наше многочисленное представительство на их планете вписывалось в рамки разветвлённого многобожия.

Нам следовало бы придумать характерные для богов родственные связи, подчиняемые стихии и чудеса. Чем мы не преминули заняться. Признаться, игра в богов нас не на шутку увлекла.

VIII

Добросовестно выполняя миссию по оцивилизовыванию хиронцев, я принял «сценический» образ древнегреческого бога солнца, Аполлона, так как выше уже оговаривал: кожа моя отликает серебристым цветом. Конечно, с таким же успехом мне могла достаться роль бога луны, но сами понимаете, олицетворять луну больше подходит женщине, и вдобавок у Хирона имелось целых три естественных спутника. Поэтому богинями лун стали три мезалийки третьего эшелона.

Что касается первого эшелона, представителями которого на базе являлись пять мезалийцев, входящих в Совет, то они заняли соответствующие почётные руководящие позиции в древнегреческом пантеоне, как то: Зевс, Посейдон, Аид, Арес и Гера. Все остальные «божественные образы» распределились между мезалийцами второго и третьего эшелонов. И честно

скажу, я гордился тем, что оказался обладателем образа Аполлона, равного среди главных древнегреческих богов.

Далее, чтобы в полной мере реализовать вставшую перед нами задачу по оцивилизовыванию хиронцев, следовало переместиться к ним поближе. Опять же для сходства с древнегреческой мифологией, наш межзвёздный корабль перелетел к северо-востоку от первой базы – на вершину высочайшей кельвинийской горы, которую мы недолго думая, назвали Олимпом. И по счастливой случайности, у подножия этой горы располагалось одно из самых крупных хиронских поселений – что, несомненно, оказывалось нам на руку.

Таким образом, на осваиваемой планете мы организовали уже две базы: одна осталась возле портала, и возникла вторая на горе Олимп, на подступах к которой был разбит небольшой «божественный» лагерь. Откуда мы ежедневно навещали хиронцев, действуя по продуманным стратегиям их оцивилизовывания.

Не трудно догадаться, что моя задача при работе с коренными жителями планеты, заключалась в ведении хронологических отчётов и всевозможных статистик. Иначе как ещё объяснить тот факт, что к написанию данного рассказа приложена моя рука?

Однако если поначалу кто-то и считал взятые нами обязательства скучными и бесполезными, то уже буквально при перелёте на местный Олимп, все могли убедиться в трудности и опасности задуманного предприятия. Естественно, перед тем, как поднять в воздух огромный звездолёт, на местность, на которую предполагалось его опустить и основать новую базу, была выслана разведывательная бригада. Как потом рассказывали разведчики: при подлёте к крупнейшему поселению хиронцев, приборы их машин забарахлили, но вместо снижения они рискнули подняться на высоту в десять тысяч метров против первоначальных четырёх, и системы пришли в относительно стабильный режим. Однако информация о сбоях в разведывательных полётах без промедления поступила в капитанскую рубку, и там возникло сомнение в успешности поставленной задачи, отчего даже хотели развернуть разведчиков. Но так как те всё-таки справились с управлением, операцию продолжили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.